

РОМАНОВ, ПУГАЧЕВ ИЛИ ПЕСТЕЛЬ.

Времена -- что ни день -- становятся серьезнее. Наступила и для русских п о р а дела. Замолк праздный шум упоенной собою литературы. Под гнетом современ н ых и еще более грозных будущих обстоятельств, ожидаемых и предвидимых всеми, люди наименее серьезные, наиболее развращенные болтовнею литературною, приз а думались. -- Полно болтать, опасно болтать, преступно болтать. Ведь дело идет о спасении себя, семьи, имущества, о спасении России от кровавых несчастий, от конечного разорения. Всякий должен теперь размыслить серьезно и свои пол и тические верования и свое положение, а размыслив, решить: куда, к чему, с кем и за кем идти?

Теперь только наступает в России время действительного образования и ра з вития партий. Несколько месяцев тому назад очень много людей не знали еще с а ми, к какому они принадлежат лагерю. Было, правда, много ученых разделений и подразделений в теории, но на практике они не разъединяли людей, потому что не было ясно определенной практической цели. Болтливо-шумною толпою стрем и лись все вперед, на свободу, иные по убеждению, другие по инстинкту, третьи по моде, и, наконец, остальные из страха и, казалось, что в этой толпе все единомышленники и братья. Но вот засветилось первое, слабое зарево тех пож а ров, которыми грозит, может быть, кровавая русская революция, и замолк гул праздной толпы. Она приутихла. -- Пожары были совершенно случайны; такие пож а ры -- обыкновенное, почти периодическое явление в России. Но возбужденные п о литические власти, а главное подлый страх, скрывающийся нередко за нашим шу м ливым героизмом, придали ныне петроградским пожарам другое значение. Прав и тельство первое дало пример. Оно нашло полезным обвинить в поджоге передовую молодежь и распространить эту клевету между народом, дабы возбудить его пр о тив студентов. В прежнее время никто из литераторствующей, порядочной публики не смел бы присоединить своего голоса к клеветливому воплю из-ума-вон исп у ганной власти. Того бы не потерпело общественное мнение, которое даже при с а мом Николае умело клеймить продажную литературу и литераторов третьего отд е ления. Теперь им лафа. Пользуясь общим испугом публики, непривыкшей еще к о б щественным потрясениям, знакомой только с болтовней, а не с делом, они смело подняли свое знамя. А для того, чтоб не испугать слабых людей излишнею отк р о венностью, они написали на нем слово "Прогресс", искусно прикрывая клевету и донос недорогими либеральными фразами. И, нет сомнения, что они приобретут на первое время, но только на короткое время, значительную популярность. Никол а евский период развил в России очень много дряблых душ, без страсти в сердце, без живой мысли в голове, но с великолепными фразами на языке. Этим людям в последнее время становилось между нами неловко. Они чувствовали, что дело, доходит до дел, до жертвы... Их много и они все пойдут под доктринерское зн а мя, под сень благодушющего правительства. Благо, отступление открыто и для измены есть благовидный предлог, а для прикрытия ее

великодушная фраза: "мы стоим за цивилизацию против варварства", то есть за немцев против русского народа... Что ж, с Богом, идите! Нам остается пожелать вам доброго пути, да успех на новом поприще. Только смотрите, не ошибитесь в расчете: случилось не редко, что те здания, под которыми люди скрывались от бури, бывали первые по ражены громом.

Очистившись от старых друзей, сомнительных и слабонервных, мы стали сильнее. Нам нужны теперь люди, которые до конца были бы преданы народному делу, и на которых потому можно было бы рассчитывать, ибо теперь наша партия окончательно стала партией дела. А наше дело -- служить революции.

Многие еще рассуждают о том, будет ли в России революция или не будет? не замечая того, что в России уже теперь революция. Она началась последовательно, широко проникла во все составы умирающего от дряхлости государства и во все оживляющейся общественной жизни; она царит во всех, везде и во всем, действует руками правительства еще успешнее даже, чем усилиями своих приверженцев, и не успокоится, не остановится до тех пор, пока не переродит русского мира, пока не воздвигнет и не создаст нового славянского мира.

Династия явно губит себя. Она ищет спасения в прекращении, а не в поощрении проснувшейся народной жизни, которая, если бы была понята, могла бы поднять царский дом на неведомую доселе высоту могущества и славы. Но где высота, там и бездна, и непонятая, оскорбленная, разоренная смешными попытками пигмеев удержать ее непреклонно логическое течение, та же народная жизнь может сбросить его, со всеми его немецкими советниками и доморощенными докторами и нерами, со всею бюрократическою и полицейскою сволочью, в бездонную пропасть... А жаль!

Редко царскому дому выпадала на долю такая величавая, такая благородная роль. Александр II мог бы так легко сделаться народным кумиром, первым русским земским царем, могучим не страхом и не гнусным насилием, но любовью, свободою, благодеянием своего народа. Опираясь на этот народ, он мог бы стать спасителем и главою всего славянского мира. Для этого не нужно было ни гения, ни даже той макиавелистической науки, которою так искусно и так усиленно держатся другие. Нужно было только широкое, в благодущии и в правде крепкое русское сердце. Вся русская, да и вся славянская живая деятельность просилась ему в руки, готовая служить пьедесталом для его исторического величия. Самое царствование отца, гибельное для России и для славян во всех отношениях, должно было служить ему наукою и вместе отрицательною рекомендациею в глазах народов. Николай душил Польшу; Александр должен был освободить Польшу со всем, что хочет быть Польшей. Он должен был сделать это и по справедливости, и для освобождения России от ненужной тяготы и от еще менее нужного бесчестия, и для того, чтоб, освободившись раз навсегда от немцев, открыть себе широкие ворота в славянский мир. Николай довел до крайнего безумия систему петровскую, систему отрицания и придушения народа во имя немецкого государства; он до того напряг искусственные силы этого государства, что оно надломилось и треснуло, убив его самого. Александр должен был почувствовать, что безобразное здание, стоившее миллионов человеческих жертв, потоков и своей и чужой крови, держаться далее не может, и что никаких сил не достанет удержать его от конечного падения. На развалинах петровского государства может существовать только Россия Земская, живой народ. Для народа нужно было расчистить место.

Казалось сначала, что Александр II понимал свое значение, по крайней мере в отношении к России, потому что в Польше он с первого раза тремя словами и с портил все свое положение. И сколько преступлений, сколько несчастий, сколько бесчестия для нас и кровавых жертв для поляков вытекало из этих трех слов: "Point de revies!" Теперь всякий может решить, кто безумно, преступно мечтал: поляки или Александр Николаевич?

Его начало в России было великолепно. Он объявил свободу народу, свободу и новую жизнь после тысячелетнего рабства. Казалось, он хотел земской России, потому что в государстве петровском свободный народ немыслим. 19 февраля 1861 года, несмотря на все промахи, недостатки, уродливые противоречия и не менее безобразные тесноты указа об освобождении крестьян, Александр II был самым великим, самым любимым, самым могучим царем, который когда-либо царствовал в России. Но он так мало понимал это, так мало знал, чувствовал душу народную, он до такой степени немец, что в этот самый день, торжественнейший из торжественных дней в русской истории, он прятался в своем дворце и окружал себя караулами, боясь народного бунта. Видно -- совесть была не чиста, видно -- он замышлял не доброе, видно -- он не хотел настоящей свободы народу, который верил, да и все еще верит в него до безумия.

И в самом деле не была чиста совесть. Александр II и не мыслил о свободе народа. Она была бы противна всем инстинктам его. Немец никогда не поймет и не полюбит земской России; и в то самое время, как русский народ ждал от него новой жизни, он вместе с советниками своими думал только о том, как бы укрепить, восстановить и если можно расширить двухвековую причину русской безжизненности, народоненавистное тюремное здание петровского государства. Задумав гибельное, невозможное, он губит себя и свой дом, и готов ввергнуть Россию в кровавую революцию. Гения Петра Великого не достало бы теперь на такое дело, а он предпринял его.

Отсутствием русского смысла и народолюбивого сердца в царе, безумным стремлением удержать во что бы ни стало петровское государство, объясняется вполне и все противоречия указа об освобождении и столь же разорительная, сколь и опасная нелепость переходного состояния, и бесчеловечно глупое стрелание по невинным крестьянам в разных губерниях, и объявление царя народу, что не будет ему другой воли, и студенческие истории, и заключение в крепость тверских дворян, и упорное желание правительства сохранить сословие дворянское наперекор воле самого дворянства, и теперешний терроризм, и, наконец, последнее слово: Липранди! Липранди, убитый общим презрением, воскрес. Он зовется на помощь -- он будет спасать Россию!.. Жребий брошен. Для Александра II, кажется, нет более возврата на другую дорогу. Не мы, он главный революционер в России, и да падает на его голову кровь, которая прольется!

А он, и только он один, мог совершить в России величайшую и благодетельнейшую революцию, не пролив капли крови. Он может еще и теперь: если мы отчаиваемся в мирном исходе, так это не потому, чтоб было поздно, а потому, что мы отчаялись, наконец, в способности Александра Николаевича понять единственный путь, на котором он может спасти себя и Россию. Остановить движение народа, пробудившегося после тысячелетнего сна, невозможно. Но если бы царь встал твердо и смело во главе самого движения, тогда бы его могуществу на добро и на славу России не было бы меры. На этом пути опасности нет

никакой, успех верный

Народу нужна земля -- отдайте ему всю землю. А чтоб не раззорить собственников мнимым выкупом, пусть выкупается она не крестьянами, а целым государством. Народу нужна воля, полная воля движения, занятий... Так дайте ему эту волю, избавьте его из под опеки правительственной, которая его всегда угнетала да раззоряла, избавьте его от чиновников, которых он ненавидит, наравне с дворянами. Дайте ему полное самоуправление общинное, волостное, областное и государственное. Народу ненавистны сословия, созданные вашими прадедами для притеснения народа; так уничтожьте эти сословия, которые сами теперь готовы отказаться от всех своих преимуществ, отчасти потому, что преимущества эти стали ничтожны, отчасти по благородному побуждению, отчасти же от страха. Пусть будет в России один нераздельный народ. И не бойтесь, он будет в состоянии сам собою управляться. Народ знает своих людей, и в этих людях, поверьте, более дельного смысла, чем во взросшем в блудном бездельи дворянстве. Не бойтесь также что через областное самоуправление разорвется связь провинций между собою, рушится единство русской земли. Ведь автономия провинций будет только административная, внутренне-законодательная, юридическая, а не политическая. И ни в одной стране, исключая может быть Франции, нет в народе такого смысла единства строя, государственной целости и величия народного, как в России. Только во Франции присоединяется к этому страсть бюрократическая; в России ее нет. Чиновник противен народу, а бюрократическая централизация необходимым насилием своим только отталкивает его от единства: и только тогда воцарится действительная, вольная целость в русской земле, когда чиновничье управление заменится в ней самоуправлением народами. Единство земли русской, находившее доселе свое выражение только в царе, требует теперь еще другого представительства: Всенародного Земского Собора.

Говорят, что в Петербурге боятся пуще всего земской Думы; опасаются, что с нею начнется революция в России. Да неужели же там в самом деле не понимают, что революция давно началась? Пусть посмотрят вокруг себя, в самих себя, пусть сравнят свое настроение духа с тем, что чувствовалось правительством при императоре Николае,-- и пусть скажут: разве это не коренная и не полная революция? Вы слепы, это правда. Но неужели слепость ваша дошла до той степени, что вы думаете -- можно воротиться назад или отделаться шутками? Итак, не в том вопрос, будет ли или не будет революция, а в том: будет ли исход ее мирный или кровавый! Он будет мирный и благодатный, если царь, встав во главе движения народного, вместе с земским сбором, приступит широко и решительно к коренному преобразованию России в духе свободы и земства. Ну, а если ослепленный царь задумает идти вспять, или остановится на полумерах, или станет искать спасения в Липранди,-- исход будет ужасный. Тогда революция примет характер беспощадной резни, не вследствие прокламаций и заговоров восторженной молодежи, а вследствие восстания всенародного. На Александре Николаевиче лежит теперь ответственность страшная. Он может еще спасти Россию от конечного раззорения, от крови. Сделает ли он? Захочет ли он?

Без Собора Земского он не сделает ничего. Только Земский Собор способен умиротворить Россию, восстановить кредит публичный и частный, устроить и обеспечить выкуп земли и возвратить потрясенному обществу спокойствие и веру. А самодержавие?! скажете вы.-- Да разве оно действительно существует? Это к а приз, вчера Панина, сегодня Головина, завтра

Липранди. Это бесконтрольное право на зло, немощь на добро,-- право быть пассивным и далеко не почтенным орудием в руках лакеев придворных, министерских и канцелярских,-- право чу ж данься России, не знать ее, мутить ее,-- право ввергнуть ее в кровавую революцию.

Ну, а если Земский Собор будет враждебен царю?-- Да, возможно ли это! Ведь посылать на него своих выборных будет народ, до сих пор еще безгранично в царя верующий, всего от него ожидающий. Откуда же взяться вражде? Нет сомнения в том, что если бы царь созвал теперь Земский Собор, он впервые увидел бы себя окруженным людьми, действительно ему преданными. Продолжись безурядица еще несколько лет, расположение народа может перемениться. В наше время быстро живет. Но теперь народ за царя и против дворянства, и против чиновничества, и против всего, что носит немецкое платье. Для него все враги в этом лагере официальной России, все -- кроме царя. Кто-ж станет говорить ему против царя? А если бы кто и стал говорить, разве народ ему поверит? Не царь ли освободил крестьян против воли дворян, против совокупного желания чиновничества?

Разочаровать народ, потрясти его веру в царя может только сам царь. Вот где опасность и, может быть, главная причина того панического страха, который ощущают в Петербурге при одном слове: "Земский Собор". И в самом деле, после двухсотлетнего отчуждения, русский народ, через своих представителей, в первый раз встретится лицом к лицу с своим царем. Минута решительная, минута в высшей степени критическая! Как понравятся они друг другу? От этой встречи будет зависеть вся будущность и царей и России.

Двести лет стонал русский народ под гнетом Московско-Петербургского государства и переносил такие тяготы, такие терзания, такие мытарства, каких иностранец себе представить не может. Прямою причиною всех бедствий его были цари. Они, позабыв клятву своего родоначальника, народного избранника Михаила Романова, создали эту чудовищную самодержавную централизацию и окрестили ее в народной крови. Они образовали народу противные касты, и духовную и чиновно-дворянскую, как орудия для губительного самовластия, и отдали им народ, одним в духовное, другим в телесное рабство. Их силою, волею, их прямым покров и тельством держались единственно и буйный произвол полудикого дворянина и притеснительное варварство чиновников. Цари, до самой последней минуты, смотрели на русский народ с презрением горшечника к глине, как на бездушный материал, обязанный принять по их произволу любую форму. В конце царствования Николая, один генерал из немцев говорил полковнику, командиру образцового полка, пришедшему партию несчастных мужиков-рекрут: "Вы мне хоть половину из них убедите, но чтоб другая за то была вымуштрована на славу". И что немец осмелился высказать громко, другие делали втихомолку. Жизнь простого человека, крестьянина, мещанина, была ничем. Система царская истребила таким образом, в продолжении каких-нибудь двухсот лет, далеко более миллиона человеческих жертв,-- так, без всякой нужды, просто вследствие какого-то скотского пренебрежения к человеческому праву и к человеческой жизни. И в то время, когда дикое, разоренное в пух дворянство сорило народными деньгами, не менее блудные, не менее дикие и без сомнения более виновные цари наши сорили людьми.

Но факт замечательный! Русский народ, хотя и главная жертва царизма, не потерял веры в царя. Беды свои он приписывает кому и чему вам угодно и помещикам, и чиновникам, и попом, только отнюдь не царю. Есть правда, секты в расколе, переставшие за него молиться; есть другие, тайно ненавидящие царскую власть. Но это отрицание, хоть выработавшееся в среде народа, далеко не выражает народное большинство, которое еще крепко держится своей веры в царя. Здесь не место углубляться в причине этого факта многозначительного, несомненного, а для нас особенно важного, потому что, рады ли мы ему или нет, он обуславливает непременно и наше положение и нашу деятельность. В другом месте я старался объяснить его тем, что народ почитает в царе символическое представление единства, величия и славы русской земли. И думаю, что я не ошибся. Но этого мало: другие, более христианские народы, когда им приходится жутко, а восстание по каким бы то ни было причинам кажется невозможно, ищут своего утешения в вознаграждении загробном, в небесном царе, на том свете. Русский народ, по преимуществу, реальный народ. Ему и утешение то надо земное; земной бог -- царь, лицо впрочем довольно идеальное, хоть и облеченное в плоть и в человеческий образ и заключающее в себе самую злую иронию против царей действительных. Царь -- идеал русского народа, это род русского Христа, отец и кормилец русского народа, весь проникнутый любовью к небу и мыслью о его благе. Он давно дал бы народу все что нужно ему -- и волю и землю. Да он сам, бедный -- в неволе: лиходеи бояре, да злое чиновничество вяжут его. Но вот наступит время, когда он воспрянет и позвав народ свой на помощь, истребит дворян и попов, и начальство, и тогда наступит в России пора золотой воли! Вот кажется, смысл народной веры в царя. Вот чего он ждет от него в феврале или в марте 1863 г. Ведь он, более двухсот лет, проведенных в неизяснимых муках, ждет слова царского и воскресения; и теперь, когда все надежды, все ожидания его оживились предварительным обещанием царя, согласится ли он ожидать еще более? -- Не думаю.

В 1863 году быть в России страшной беде, если царь не решится созвать всенародную Земскую Думу... И вот народ пошлет своих выборных к царю избавителю. Доверию и преданности посланцев народных к царю не будет пределов, -- и, опираясь на них, встретив их с равною верою и любовью, и решившись дать доборно народу то, чего ныне нельзя уже более удержать от него, царь мог бы поставить свой трон так высоко и так крепко, как он еще никогда не стоял. Но что, если вместо царя избавителя, царя земского, народные посланцы встретят в нем петербургского императора в прусском мундире, тесносердечного немца, окруженного синклитом таких же немцев? Что, если вместо ожидаемой свободы, царь не даст ему ничего, или почти ничего и захочет отделаться от народа словами да полумерами? Ну, тогда не сдобровать и царизму, по крайней мере императорскому, петербургскому, немецкому, гольштейн-готторнскому! Ведь привязанность народа к царю не придворная, не холопская, а религиозная. И религия народа не небесная, а земная, жаждущая, требующая удовлетворения себе на земле. В общем чувстве народном обетованный час исполнения, кажется, настал, и народ не даст ему пройти даром. Тогда опять кровавая революция.

Но если бы в этот роковой момент, когда для целой России будет решаться вопрос о жизни и смерти, о мире и крови, царь земский предстал перед всенародным собором, царь добрый, царь правдивый, любящий Россию более себя и доверяющий широко любви народной, готовый устроить народ по воле его, чего бы не мог он сделать с таким народом! Кто смел

бы восстать против него? И мир, и вера восстановились бы, как чудом, и деньги нашлись бы, и все бы устроилось просто, естественно, для всех безобидно, для всех привольно... Руководимый таким царем, Земский Собор создал бы новую Россию на основаниях вольных, ш и роких, без потрясений, без жертв, даже без усиленной борьбы и без шума; пот о му что воля и нужды народа -- ясны, потому что в нем выработался ум крепкий и здоровый, зародыш будущей организации, -- и потому, что злой умысел и никакая враждебная сила не были бы в состоянии бороться против соединенного могущес т ва царя и народа.

Есть-ли надежда, что такой союз состоится? Мы скажем прямо, что нет. Н е смотря, на несомненную преданность народа к царю, царь видимым образом боится его. Боится потому, что не любит его, потому что не хочет поступиться перед ним своею немецкою важностью, своим мелким императорским произволом, и потому что чувствует, вероятно, что с этим народом шутить нельзя. Но, может быть, он решился бы еще довериться народу в надежде на его слепую привязанность, если б он не боялся пуще всего влияния передовой революционной молодежи. Страх в настоящее время еще совершенно напрасный! Как ни горько сознаться в этом, но я думаю, что для будущего успеха самого революционного дела, мы должны громко высказать то убеждение, что до сих пор влияние нашей партии на народ было близко к нулю. Революционная пропаганда еще не нашла к нему доступа и не ум е ла еще потрясти его безумной, его несчастной веры в царя. Никогда еще не чу в ствовался так сильно разрыв, существующий между народом и нами, и никто из нас не перешел еще через пропасть, отделяющую нас от него. Мы готовы жить его жизнью, его мыслью, но он нас не знает, и пошел бы без сомнения против нас за царя, потому что и его он также не знает... Итак, если вы хотите встретиться с народом, свободным от наших влияний, сзывайте его теперь. Ну, а если пр о пустите время, то, пожалуй, наша передовая молодежь, наша надежда и наша с и ла, пробьет себе, наконец, дорогу к народу и чрез роковую пропасть подаст ему руку. Вина будет ваша.

И почему молодежь не за вас, а вся молодежь против вас? Ведь это для вас большое несчастье; -- несчастье потому, что молодежь уже сама по себе соста в ляет и право и силу, особенно когда, не заключааясь в себе, собой суетно не довольствуясь, она стремительно, страстно рвется в народ, к службе народной. Для такой молодежи нет непреодолимых препятствий. Народ, сам молодой и сам страстный, рано или поздно призовет ее. Почему-ж она против вас? Недавно умерший предводитель демократической партии в Соединенных Штатах, полковник Дуглас, во время последних президентских выборов, сказал одному из своих др у зей; "наше дело потеряно, молодежь против нас!" -- Глубокое слово! Молодежь, как народ, живет более инстинктом, а инстинкт всегда тянет ее на сторону жи з ни, на сторону правды... С нею беда. Она может ошибаться в мыслях, или ве р нее, в выражении мыслей своих,-- в чувстве она ошибается редко. А чувство н а шей молодежи, всею энергиею своею, отталкивает ее от вас. Вы, господа доктр и неры всякого рода, ее ненавидите, как вообще не любят ее школьные учителя, которые чувствуют, что она вправе над ними смеяться. Она бежит от вас, потому что пахнет от вас фарисейским педантством, ложью и смертью: а ей прежде всего надо жизни воли да правды. Но почему отстала она от царя, почему об'явила с е бя против того, кто первый об'явил свободу народу?

Никто не посмеет упрекать ее в эгоизме. Она рукоплескала освобождению крестьян и готова теперь отдать все, начиная с себя, для того только чтоб русский народ был свободен.

Не увлекалась ли она отвлеченными революционными идеалами и громким словом "республика"? Отчасти, пожалуй, и так. Но это только весьма поверхностная и второстепенная причина. Большинство нашей передовой молодежи, кажется, хорошо понимает что западные абстракции, консервативные ли, либерально-буржуазные, или даже демократические, к нашему русскому движению не применимы: -- что оно -- без сомнения -- и демократическое и в высшей степени социальное, но что оно развивается вместе с тем при условиях, совершенно различных от тех, при которых совершались подобные же движения на Западе. И первое из условий -- то, что оно не есть главным образом движение образованной и привилегированной части России. Таковым было оно во времена Декабристов. Теперь главную роль в нем будет играть народ. Он есть главная цель и единая, настоящая сила всего движения. Молодежь понимает, что жить вне народа становится делом невозможным, и что кто хочет жить, должен жить для него. В нем одном жизнь и будущность, вне его мертвый мир. Но этот народ встает на сцену не как лист белой бумаги, на котором всякий по произволу может записать свои любимые мысли. Нет, лист этот уж частью исписан и хоть осталось на нем еще много белого места, допишет его сам народ. Никому он не может поручить этого дела, потому что никто в образованном русском мире не жил еще его жизнью. Русский народ движется не по отвлеченным принципам; он не читает ни иностранных, ни русских книг, он чужд западным идеалам, и все попытки доктринаризма, консервативного, либерального, даже революционного, подчинить его своему направлению будут напрасны. Да, ни для кого и ни для чего не отступит он от своей жизни. А жил он много, потому что страдал много. Не смотря на страшное давление императорской системы, даже в продолжение этого двухвекового немецкого отрицания, он имел свою внутреннюю живую историю. У него вырабатывались свои идеалы, и составляет он в настоящее время могучий, своеобразный, крепко в себе заключенный и сплоченный мир, дышащий весеннею свежестью и чувствуется в нем стремительное движение вперед. Наступило, кажется, его время; он просится наружу, на свет, хочет, сказать свое слово и начать свое явное дело. Мы верим в его будущность, надеясь, что, свободный от закоренелых и на Западе в закон обратившихся предрассудков религиозных, политических, юридических и социальных, он в историю внесет новые начала и создаст цивилизацию новую; и новую веру, и новое право, и новую жизнь.

Перед этим великим, серьезным и даже грозным лицом народа нельзя дурачиться. Молодежь оставит смешную и противную роль непрошенных школьных учителей мертвецам московской и с.-петербургской привилегированной журналистики. Ей самой предстоит подвиг другой, не учительский, а очистительный, подвиг сближения и примирения с народом. Ведь она, почти вся, по своему происхождению, образованию, по привычкам жизни и мысли, наконец по всем общественным отношениям своим, стоит вне народа, принадлежат к тому привилегированному официальному миру, который народ не без причины ненавидит, видя в нем главный источник всех своих бедствий. Стремления ее чисты и благородны: она сама не навидит исключительность своего положения и готова жертвовать всем народу, лишь бы только он принял ее в свое общение. Но народ не знает ее, и судя ее по платью, по языку, а главное по жизни, столь различной от его жизни, принимает ее за врага. Где же тут учительствовать! разве без веры и доброй воли учащегося учение возможно? Да, наконец, чему мы станем учить? Ведь если оставить естественные и математические науки в стороне, последним словом нашей высшей премудрости будет отрицание так называемых непреложных истин западного учения, полное отрицание

Запада. Но народ наш Западом никогда не увлекался; потому ему и до отрицания его нет никакого дела. А главное то, что со всею своею наукою, мы бесконечно беднее народа. Народ наш, пожалуй, груб, безграмотен, я не говорю -- неразвит, потому что у него было свое историческое развитие, крепче и посущественнее нашего; он никаких книг, кроме немногих своих, еще не читает. Но зато в нем есть жизнь, есть сила, есть будущность; -- он есть... А нас собственно нет; наша жизнь пуста и бесцельна. У нас нет ни дела, ни поля для дела. И если будущность для нас существует, так только в народе. Итак, народ может и без нас обойтись, мы без него не можем.

Без сомнения, слившись с народом, принятые народом, мы можем принести ему много пользы. Да, мы принесем ему громадный опыт неудавшейся западной жизни, которую мы вместе с Западом пережили, способность обобщения и точного определения фактов, ясность сознания. Знакомые с историей и наученные чужим опытом, мы можем предохранить его от обмана и помочь ему высказать его волю. -- Вот и все. Мы принесем ему формы для жизни, он даст нам жизнь, кто дает больше? Разумеется народ, а не мы.

Вопрос о нашем сближении с народом, не для народа, а для нас, для всей нашей деятельности, есть вопрос о жизни и смерти. Сближение это необходимо, но оно трудно, потому что требует с нашей стороны совершенного перерождения, не только внешнего, но и внутреннего. Борода, русское платье, жесткие руки, грубая речь не составляют еще русского человека. Нужно, чтобы ум наш выучился понимать ум народа, и чтобы наши сердца приучились бить в один такт с его великим, но для нас еще темным сердцем. Мы должны видеть в нем не средство, а цель; не смотреть на него как на материал революции по нашим идеям, как на "мясо освобождения", напротив смотреть на себя, если он на то согласится, как на слуг своего дела. Одним словом, мы должны полюбить его лучше себя, дабы он нас полюбил, дабы он нам свое дело поверил.

Любить страстно, отдаваться всею душою, побеждать громадные трудности и препятствия, силою любви и жертвы победить ожесточенное народное, дело молодости. Вот, где ее назначение! Учиться она должна у народа, а не учить. Не себя, а его возвышать и вся отдаться его делу. Ну, тогда народ признает ее.

Прокламация "Молодая Россия" доказывает, что в некоторых молодых людях существует еще страшное самообольщение и совершенное непонимание нашего критического положения. Они кричат и решают, как будто бы за ними стоял целый народ. А народ то еще по ту сторону пропасти, и не только нас слушать не хочет, но даже готов избить нас по первому мановению царя. Что же, -- мученичество? Да ведь мученичество хорошо, когда мученики делают дело. Редакторов "Молодой России" я упрекаю в двух серьезных преступлениях. Во первых, в безумном и в истинно доктринерском пренебрежении к народу; а во вторых в нецелесообразном, бестактном и легкомысленном обращении с великим делом освобождения, для успеха которого они между тем готовы жертвовать своею жизнью. Они видно, так мало привыкли еще к настоящему действию, что им все кажется, будто они вращаются в мире абстракций. В теории все сходит с рук. На практике, особливо в такое время, как наше, что не полезно, то вредно. Появление "Молодой России" причинило положительный вред общему делу и виновниками вреда были люди, желавшие служить ему. Без дисциплины, без строя, без скромности перед великими целями, мы будем только

тешить врагов наших и никогда не одержим победы.

Но прокламация редакторов "Молодой России" не может быть принята за серьезное выражение идей передовой молодежи. Несколько смелых юношей собрались и издали свою прокламацию... Довольно было, чтоб перепугать до смерти наших бедных правителей. Правда, что юноши говорят и об "общем собрании" и о "ком и тетах провинциальных тайного революционного общества". Но ведь это было ск а зано зря, для пущей важности, и для того, чтоб доставить лишнее впечатление черезчур впечатлительному правительству. Огромное большинство нашей молодежи принадлежит к партии народной, к той партии, которая поставила себе единою целью торжество народного дела. Эта партия не имеет предрассудков ни за царя, ни против царя, и если б сам царь, начавши великое дело, не изменил впо сле д ствии народу, она бы никогда от царя не отстала.

И теперь было бы еще не поздно. И теперь та же самая молодежь радостно пошла бы за ним, лишь бы только он сам шел во главе народа: не остановили бы ее никакие западнореволюционные предрассудки, ибо где жизнь, где правда, где разрешение судеб народа, там и она. И сколько молодой и благородной энергии, сколько живых сил и сколько ума было бы тогда к его услугам для совершения великого дела -- умиротворения и воссоздания России.

Россия спокойно и твердо пошла бы широким путем свободного развития и, укрепившись внутри, восстановила бы скоро свое утраченное внешнее обаяние. Величие России русскому народу так дорого, что он никогда от него не откаже т ся. Он принес ему столько жертв!.. Но понятно, что оно должно быть ныне во з движнуто на иных основаниях. Бог с ним с величьем петровским, екатерининским, николаевским, обрекшим русский народ на постыдную роль палача и вместе раба мученика! Мы искали силы и славы, а нашли лишь бесславие, заслужили ненависть и проклятия истерзанных нами народов, и кончили поражением и постыдным бе с сием. Слава богу! наша двухвековая тюрьма, петровское государство, наконец рушится. Никакая сила не восстановит его. Мы же сами подтолкнем его в пр о пасть, и воля нам! воля героической Польше! воля Белоруссии, Литве, Украине! Пусть будет Польшею все, что хочет быть Польшею. Воля Финляндии! воля Чухонцам и Латышам в Остзейских провинциях! А немцам пора в Германию!

Если б царь понял, что он отныне должен быть не главою насильственной централизации, а главою свободной федерации вольных народов, то опираясь на плотную возрожденную силу, в союзе с Польшею и Украйною, разорвав все ненав и стные союзы немецкие, подняв смело всеславянское знамя, он стал бы избавит е лем Славянского мира!

Мечта! скажут мне; да, разумеется, мечта. Но мечта только потому, что в Петербурге нет ни мысли, ни сердца, ни воли, и что царь, наш, в противность царю Давиду, ищет всегда короны, а находит корову. И еще повторим; ни одному царю не было дано так много, и ни с одного так много не спросится.

На Петербург надежды нет. Царь избрал себе путь, гибельный для России. Как безнадежный больной, он окружил себя шарлатанами, -- настало время для н а ших Некеров и Колоннов. Настоящее министерство -- *jeune, intelligent et fort*, и подражая дружественному ныне

правительству, хочет надуть Россию формами без содержания; с свободою на языке оно намерено продолжать дело блудного прои з вола. Но забывают они только одно, что обман, возможный в стране, истощенной политическими борьбами, невозможен у нас, потому что у нас жизнь только вчера началась, страсти в приливе, а не в отлив, и наша трагедия еще впереди... Как ни умны министры, но Александр Николаевич не доверяется им вполне, на п о мощь им он позвал знаменитого доктора Липранди, который лечит средствами г е роическими и без сомнения скорее доведет до трагедии. Большое утешение прав и тельственного Петербурга теперь -- это народ и привязанность народа к царю, Народом грозят они революционной молодежи. "Стоит только царю махнуть рукою, и студентов не будет". Да без сомнения не будет; да на другой день и дворя н ства в целой России не будет, а с дворянством ляжет под топором все чиновн и чество; вы сами голубчики пропадете. Ну-ка попробуйте махнуть то рукою! И о с танутся народ да царь. Да что станет этот царь с этим народом делать? Ведь царь то наш бюрократический дворянский, а не земский. Он сам утонет в дворя н ской крови, чтоб уступить место какому нибудь Пугачеву! Не попробовать ли лучше николаевских средств: кнута, виселицы, да Сибири? Средства хорошие. Но вряд ли они вам ныне помогут. Ведь страх убит в России. Ныне пойдут на лобное место, смеясь над вами. Да и самым трусам нет никакого расчета пятиться п е ред вашим страхом. В России есть теперь страх, пострашнее, -- страх народного восстания. А если придется выбирать между топором или виселицею, так разум е ется, лучше пасть с сознанием высокого подвига, чем жертвою рокового недор а зумения народного.

У вас есть еще одно средство -- война. Война национальная против немцев, в союзе с Италией и с Францией, пожалуй хоть за свободу славян, лишь бы только русскому народу не дать свободы. Да, в самом деле, идти войною на немцев х о рошее, а главное, необходимое славянское дело, во всяком случае лучшее, чем поляков душить немцам в угоду. Подняться на освобождение славян из под ига турецкого и немецкого будет потребностью, необходимостью и святою обязанн о стью освобожденного русского народа. Но вы, враги русской и польской свободы, какую дадите вы свободу славянам? Или вы хотите повторить в сотый раз старый, постыдный обман? Не удовлетворив никого и не разрешив ничего у себя дома, на что вы будете опираться? Даже войско придется вам содержать на мелок чужими субсидиями. И будете вы только служить средством для целей чужих, сами ничего не приобретете. Россию же в конец раззорите. Да, может быть, вы и рассчитыва е те на ее истощение? Может, думаете усмирить ее голодом? Смотрите, не ошиб и тесь в расчете: война не помешала у нас ни пугачевщине, ни новгородскому бу н ту.

Но напрасны все ваши старания. Ни война, ни уловки мнимо либерального (?) министерства, ни явная реакция вам не помогут. Народ проснулся и ждет своего часа, вы сами способствовали его пробуждению. Кокетничая перед ним и возбуждая его против молодого образованного поколения, вы сами будите в нем сознание силы и он сам возьмет силою то, чего вы ему добровольно дать не х о тите.

Для мирного исхода настоящего неотвратимого кризиса, средство только о д но: Земский всенародный собор и на нем разрешение земского народного дела. Это средство единоспасительное в руках царя. Но он его употребить не хочет. Значит, он хочет крови.

Когда правители губят страну, частные люди должны приняться за дело спасения. Всем истинным консерваторам, имеющим ум, чтоб понимать и предугадывать необходимые происшествия, всем купцам, попам и дворянам, чиновникам военным и гражданским, любящим спокойствие и мир и желающим сохранить жизнь, имущество, жен, сестер и детей, всем, кому дороги благоденствие и слава России, я советовал бы об этом крепко подумать. Ведь времени на свободное размышление осталось немного. И не худо было бы, если бы они, сговорившись, составили между собою громадное консервативное общество, которое я им предложил бы назвать: "общество для спасения России от близорукости царской и от преступного мин и стерского шарлатанства", и пусть хором подымут они голос в пользу Земского Собора, как единого средства для предотвращения кровавой разрушительной катастрофы.

А нам, революционной партии, что делать? Мы также сплотимся и станем под знамя "Народного дела". Мы хотим достигнуть его народным путем и не останемся до тех пор, пока оно не исполнится совершенно.

Мы хотим и желаем:

1. Чтобы вся земля русская была объявлена собственностью целого народа, так чтоб не было ни одного русского, который бы не имел части в русской земле.
2. Хотим самоуправления народного -- общинного, волостного, уездного, областного и наконец государственного, с царем или без царя, все равно и как захочет народ. Но чтоб не было в России чиновничества и чтоб централизация бюрократическая заменилась вольною областною федерацией.
3. Хотим, чтоб Польше, Литве, Украине, Финнам и Латышам прибалтийским, а также и Кавказскому краю была возвращена полная свобода и право распорядиться собою и устроиться по своему произволу, без всякого с нашей стороны вмешательства, прямого или косвенного.
4. Хотим братского и, если будет возможно, федерального союза с Польшею, Литвою, Украиною, прибалтийскими жителями и с народами Закавказского края. Готовы и обязаны помогать им против всякого насилия и против всех внешних врагов, особливо же против немцев, когда они сами позовут нас на помощь.
5. Вместе с Польшей, с Литвой, с Украиной, мы хотим подать руку помощи нашим братьям Славянам, томящимся ныне под гнетом Прусского королевства, Австрийской и Турецкой империи, обязываясь не вложить меча в ножны, пока хоть один Славянин останется в немецком, в турецком, или другом каком рабстве.
6. Мы будем искать тесного союза с Италией, с которою у нас чувства, интересы и враги общие, -- с Мадырами, ненавидящими как и мы, австрийскую монархию, если только они совершенно откажутся от притеснения Славян, -- с Румынами и даже с Греками, когда последние оставят в покое Болгар, и довольствуясь быть собою, забудут свои честолюбивые и свободопротивные, а главное, суеверные византийские мечты.

7. Мы будем стремиться, вместе со всеми племенами Славянскими, к осуществлению заветной Славянской мечты: к созданию Великой и вольной федерации Все славянской, где каждый народ, велик или мал, будет вместе вольным и братски с другими народами связанным членом; чтоб каждый стоял за всех, и все за каждого, и чтоб не было в братском союзе особенных государственных сил, чтоб не было ничьей гегемонии, но чтоб существовала единая и нераздельная общеславянская сила.

Вот широкая программа дела Славянского, вот необходимое последнее слово народнорусского дела. Этому то делу мы посвятили всю жизнь свою.

Теперь с кем, куда и за кем мы пойдем? Куда? мы сказали. С кем? мы также сказали: разумеется ни с кем, другим, как с народом. Но за кем? За Романовым, за Пугачевым или, если новый Пестель найдется, за ним?

Скажем правду; мы охотнее всего пошли бы за Романовым, если б Романов мог и хотел превратиться из петербургского императора в царя земского. Мы потому охотно стали бы под его знаменем, что сам народ русский еще его признает, и что сила его создана, готова на дело, и могла бы сделаться непобедимою силою, если б он дал ей только крещение народное. Мы еще потому пошли бы за ним, что он один мог бы совершить и окончить великую мирную революцию, не пролив ни одной капли русской или славянской крови. Кровавые революции, благодаря людской глупости, становятся иногда необходимыми, но все-таки они зло, великое зло и большое несчастье, не только в отношении к жертвам своим, но и в отношении к чистоте и к полноте достижения той цели, для которой они совершаются. Мы видели это на революции французской.

Итак, отношение наше к Романову ясно. Мы не враги и не друзья его, мы друзья народнорусского, славянского дела. Если царь во главе его, мы за ним. Но когда он пойдет против него, мы будем его врагами. Поэтому весь вопрос с о стоит в том: хочет-ли он быть русским земским царем Романовым, или Голштейн-Готторнским императором Петербургским? хочет он служить России, славянам или немцам? Вопрос этот скоро решится, и тогда мы будем знать, что нам делать. Ни для него и ни для кого в мире мы не отступимся ни от одного пункта своей программы. И если для осуществления ее будет необходима кровь, да будет кровь.

Мы без содрагания не можем подумать о тысячах жертв, которые падут, вероятно. Но вся тяжесть кровавой вины пусть ляжет тогда на единственного виновника, на царя, который всех может спасти и, кажется, всех погубит. А средство спасения и для него и для нас только одно: идти до конца во главе революции и не останавливаться на полдороге. Если б мы хотели остановить настоящую революцию, то не могли бы; никто в мире не может. А если бы могли, то не хотели бы, потому что она необходима для освобождения нашего народа, для совершения русских и славянских судеб.

Если царь изменит России, Россия будет повергнута в кровавые бедствия. Что будет, какую форму примет движение, кто станет во главе его? Самозванец-царь, Пугачев, или новый Пестель-диктатор? Предугадать теперь невозможно. Если Пугачев, то дай бог, чтоб в нем нашелся политический гений Пестеля, потому что без него он утопит Россию и, пожалуй,

всю будущность России в крови. Если Пестель, то пусть будет он человеком народным, как Пугачев, ибо иначе его не потерпит народ. А может быть ни Пестель, ни Пугачев, ни Романов, а Земский Собор спасет Россию.

Предугадать нельзя ничего. Наш долг теперь крепко сомкнуться и единодушно готовиться к делу. Поклясться друг другу не отставать от народа, идти с ним, покуда сил станет. Времени может быть осталось немного,-- употребим его ни сближение с народом во чтобы то ни стало, дабы он признал нас своими и позв о лил бы нам спасти хоть несколько жертв. Сойтись с народом, слиться с ним во единую душу и во единое тело -- задача трудная, но для нас неизбежная и не о т вратимая. Иначе мы будем представителями не народного дела, а только своих тесных кружковых интересов и своих личных страстей, чуждых и противных нар о ду, а потому и преступных, ибо ныне что не служит исключительно делу народн о му, то преступно. Он один призван к жизни в России, и только что с ним и что за него, то лишь одно имеет право на жизнь, то будет иметь силу на жизнь. Вне его нет русской силы и, лишь только соединившись с ним, мы можем вырваться из бессилия. Вот почему мы должны сойтись с народом во что бы ни стало. Важнее этого, для нас нет теперь другого вопроса.

Как с ним сойтись? Путь к достижению цели один: искренность, правда. Если вы не обманываете ни его, ни себя, когда говорите о своих стремлениях к нар о ду, то вы найдете дорогу в душу и в веру его. Любите народ, он вас полюбит, живите с ним, и он пойдет за вами, и вы будете сильны его силою. Народ наш умен, он скоро узнает своих друзей, когда у него будут друзья действительные. Формулировать общее правило, известный прием для сближения с народом нет во з можности: все это было бы мертво и сухо, потому что было бы ложно. Живое дело должно вытекать из живого ума и из живого сердца.

Вас много и вы рассеяны по всей русской земле. Пусть каждый из вас, служа общему делу, идет к народу по своему, но пусть каждый идет прямо и искренно, без хитрости, без обмана, пусть каждый несет в дар ему и весь ум и все сер д це, и чистую, крепкую волю служить ему. Пусть каждый свяжет судьбу свою с его судьбою. Пусть каждый молодой человек перевоспитает себя в среде народной... И вы сделаетесь тогда, без сомнения, людьми народными.

Подвиг не легкий, но за то высокий и стоящий жертв: подвиг повивания н о ворождающегося русского мира! Кому он кажется противен, тот лучше не берись за русское дело. Для того есть приют под знаменем доктринеров. Путь наш тр у ден. Отсталых, испуганных и усталых будет еще много... Но мы, друзья, выде р жим до конца и безбоязненно, твердым шагом пойдем к народу, а там, когда с ним сойдемся, помчимся вместе; с ним, куда вынесет буря.

Версия #4

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 4 июня 2025 00:36:44

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 4 июня 2025 01:09:54